

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.45>

Шакирова Татьяна Владимировна, Еренчинова Евгения Борисовна,
Чуманова Наталья Александровна

**ВОПРОСЫ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА П. П. ЕРШОВА И ФИЛОСОФИЯ
РОМАНТИЗМА**

В статье представлен обзор подходов к изучению мифа в науке. Произведения П. П. Ершова рассмотрены с точки зрения философии русского романтизма. Авторами проведен сопоставительный анализ категорий "миф" и "реальность" в творчестве писателя. Исследованы лирические и прозаические произведения в контексте концепции мифопоэтики. Наличие бинарных оппозиций свидетельствует о противоборстве добра и зла в человеке. Художественный мир Петра Ершова - это мифологическая картина гармонии человека и мира. Формирование духовных ценностей героев происходит через трудный выбор при столкновении с миром.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/45.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 230-234. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

«непрерывной философией» (*philosophia perpetua*), важнейшей частью которой является творчество Платона и неоплатоников. Тем не менее одновременно с этим мы наблюдаем, как в творчестве Марсилио Фичино, глубокого знатока и исследователя античного мира, вполне определенно намечается отделение собственно исследовательского момента от целей и задач религиозной пропаганды, а с другой стороны, отход от парадигматического восприятия античности и превращение ее из предмета подражания в объект исследования. Показать эти тенденции в творчестве Марсилио Фичино составляло цель и задачу данной работы.

Авторский вклад и научная новизна статьи определяются введением в широкий исследовательский оборот и научной интерпретацией сочинения Марсилио Фичино «Платоновская теология». Выводы, сделанные нами в статье, мы рассматриваем как подготовительный этап для дальнейшей разработки данной темы.

Список источников

1. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М.: Юристъ, 1996. 590 с.
2. Гарен Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
3. Кудрявцев О. Ф. Марсилио Фичино Козимо Медичи / пер. с лат. О. Ф. Кудрявцева // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / сост. Л. М. Брагина. М.: Наука, 2004. С. 260-261.
4. Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М.: Наука, 2008. 477 с.
5. Платон. Федр / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135-191.
6. Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, О любви / пер. с лат. А. Горфункеля, В. Мажуги, Э. Черняка // Эстетика Ренессанса / сост. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 144-241.
7. Chastel A. Marsile Ficin et l'art. Lille: Librairie R. Giard, 1954. 204 p.
8. Ficinus M. Theologia Platonica de immortalitate animorum duo de viginti libris. Parisiis: Apud Aegidium Corbinum, 1559. 348 p.
9. Lachmannus C. In T. Lucretii Cari De rerum natura libros commentarius. Ed. 4. Berolini: Typis et impensis Georgii Reimeri, 1882. 428 p.

“PLATONIC THEOLOGY” BY MARSILIO FICINO

Tyzhov Andrei Yakovlevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg University
firenze1449@yandex.ru

The article is based on the first full translation of M. Ficino's "Theologia Platonica de immortalitate animorum duo de viginti libris" performed by the author. The paper focuses on analysing Marsilio Ficino's activity as a founder and head of Florentine Platonic Academy, his work on full translation of Plato and on "Platonic Theology" as explanatory introduction to his translation of Plato's dialogues. Special attention is paid to ancient sources and translation techniques.

Key words and phrases: Marsilio Ficino; Platonic Academy; "Platonic Theology"; ancient tradition; anti-historical method.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 03.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.45>

В статье представлен обзор подходов к изучению мифа в науке. Произведения П. П. Ершова рассмотрены с точки зрения философии русского романтизма. Авторами проведен сопоставительный анализ категорий «миф» и «реальность» в творчестве писателя. Исследованы лирические и прозаические произведения в контексте концепции мифопоэтики. Наличие бинарных оппозиций свидетельствует о противоборстве добра и зла в человеке. Художественный мир Петра Ершова – это мифологическая картина гармонии человека и мира. Формирование духовных ценностей героев происходит через трудный выбор при столкновении с миром.

Ключевые слова и фразы: мифопоэтическая картина мира; миф; символ; романтизм; мифопоэтика.

Шакирова Татьяна Владимировна, к. филол. н., доцент

Еренчинова Евгения Борисовна

Чуманова Наталья Александровна

Тюменский индустриальный университет

ta-nusha9@mail.ru; deutsche2011@mail.ru; nchumanova@yandex.ru

ВОПРОСЫ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА П. П. ЕРШОВА И ФИЛОСОФИЯ РОМАНТИЗМА

В ходе исследования мифопоэтической картины мира П. П. Ершова подвергаются анализу лирические и прозаические произведения, ранее не исследуемые в контексте концепции мифопоэтики. Авторы не проводят анализ сказочного жанра творчества писателя. Указанный исследуемый материал обусловил **научную**

новизну работы. В рамках Проекта Правительства Тюменской области, направленного на поддержку и изучение творчества Петра Ершова, практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов работы в реализации задач проекта: активизация семейного туризма; развитие детского дополнительного образования; поддержка театров; развитие народных промыслов, малого и среднего бизнеса.

Актуальным представляется проведение сопоставительного анализа категорий «миф» и «реальность» для последующего понимания мифопоэтики писателя. Авторы обращаются к пониманию мифа как начальной формы мировоззрения, как первого элемента в хронологической цепочке: миф – религия – философия. Миф как противоположность реальности понимается как иллюзорное, выдуманное, фантастическое знание действительности, то есть речь идет об ирреальной действительности. Говорится о связи: эпоха мифа – это мифопоэтическая эпоха, поскольку мифологические знания всегда передаются в рассказе, и они универсальны, то есть они во всем. **Задача** исследования состоит в проведении анализа лирических и прозаических произведений с точки зрения философии романтизма с целью создания описания мифопоэтической картины мира писателя.

Объектом исследования является мифопоэтическая картина Петра Ершова, предметом исследования выступают мифологические мотивы лирических и прозаических произведений автора.

В науке определены подходы к изучению мифа: историко-культурный (антропологический) подход, философско-культурологический подход, символический подход, семиологический подход, лингвистический подход. Приведем краткий обзор методологии теории «мифа».

В историко-культурном (антропологическом) подходе основным является первобытное сознание. Исследователи Дж. Кэмпбелл, В. Тэрнер, М. Элиаде, А. М. Пятигорский, Ф. Х. Кессиди, Е. М. Мелетинский, С. С. Аверинцев, В. Я. Пропп, Д. Бирлайн работали в направлении сравнительной мифологии [8; 10]. Основным результатом их работы явилась теория, которая резюмирует особенности образования и функционирования мифов у всех народов и обозначает отношение мифа к традиции. Мифы определяются в данной теории как основа культурной традиции нации. Благодаря мифам традиции народа обретают смысл и появляется чувство единства человека и общества в пространстве и времени.

Философско-культурологический подход заключается во взгляде на миф как часть прошлого и настоящего времени, наделенную характерными чертами и признаками. Таким образом, исследователи А. Ф. Лосев, П. С. Гуревич, М. К. Мамардашвили синтезировали понятие мифа, которое существовало в древнем обществе, и современные социальные процессы [1, с. 402; 7].

В свою очередь, другой представитель данного подхода Д. Н. Низамидинов выделяет особую содержательность форм мифа: «Миф дает новое “озарение” всему происходящему, становится ключом к пониманию всеобщих законов бытия...». Он также отмечает, что «авторский миф отражает духовные ценности как общенародной, так и общечеловеческой значимости, синтезирует общий смысл множества художественных воплощений мифологической культуры отдельных народов мирового сообщества. Сквозь призму реконструируемого мифологического сознания более отчетливо проступают действительные связи мироздания...» [9, с. 46]. Через миф происходит рождение носителем культуры народа и осознание себя человеком: «...миф обеспечивает воспроизводство человека как культурный тип (своеобразный культурный механизм), так как через миф и ритуал, через приобщение к ценностям и традициям общества человек осознает себя человеком» [Там же, с. 31].

Символическую школу представляют такие ученые, как Э. Кассирер, А. Ф. Лосев, П. Рикёр и др. По их мнению, мифология как язык и искусство являются самостоятельными символическими формами культуры. Они обладают особым способом символического воплощения всех чувственных данных. Мифологическое сознание является центральным понятием. Основными признаками выступают объяснение смысла данного явления через описание его происхождения, обращение к прошлому, что отражает причину вещей, единение вещи и образа, реального и идеального, единичного и общего. В работе «Философия символических форм» Э. Кассирер описывает мифологию как закрытую систему символов, которая основывается на определенном способе функционирования и моделирования окружающего мира [3, с. 163-212].

Миф как языковой феномен сознания рассматривался сторонниками лингвистического направления. Яркими представителями данной теории являются Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон. Е. М. Мелетинский говорит о теории мифосознания, которая должна опираться на исторический характер мифа. Тогда миф рассматривается «как единство двух его сторон: мифологических представлений (мироощущения, мифической картины мира) и мифологического повествования (сюжетов)» [8, с. 172].

В семиологическом подходе (Р. Барт, Г. Д. Гачев, М. М. Бахтин, К. Леви-Стросс, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) миф представляется как знаковая система, наделенная происходящей особой значимостью. Особая языковая структура мифа требует использовать методы семиологии, говоря о мифе его же языком. По мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «мифологическое мышление – всеобщий феномен человеческого сознания» [6, с. 144], «некий первичный язык», с помощью которого человек издревле создавал, классифицировал и «представлял себя, общество в мире и мир в себе» [4, с. 25]. Леви-Стросс рассматривает систему бинарных оппозиций (любовь-ненависть, черное-белое, правое-левое, высокий-низкий, верх-низ и др.). Он считает, что это основа мифологического мышления.

В ходе проведенного анализа подходов и теории изучения мифа можно выдвинуть на первый план идею, что в мифе сосредоточены все фундаментальные черты человеческого сознания, благодаря которым писатели могут использовать в художественных произведениях многогранность мифологического сознания, мифологические сюжеты и образы при создании художественного образа и характера в произведениях. В результате сложного интеграционного процесса взаимодействия мифа и художественного стиля писателя возникает индивидуальная, неповторимая мифопоэтическая картина мира писателя. Миф служит своеобразным ориентиром

человека в действительности. Такая характеристика мифа дает читателю возможность прожить вместе с поэтическим образом то или иное действие, принимать решения, анализировать ситуации, строить коммуникацию с другими персонажами и прочее.

«Любой отдельно взятый миф раскрывает в образной форме вполне определенный смысл, что позволяет обозначить мифологию в целом (как региональную, так и мировую) как символически выраженную картину мира – смысловая картина, но только выраженная через образы. Это картина нашего эмпирического (физического) мира, увиденная сквозь призму трансцендентной реальности и воспринятая как отражение этой реальности, как телесный образ бестелесного мира» [5, с. 211]. Библейско-христианская мифология является основным источником мифотворчества в философии русского романтизма. Поэтому целостный образ и единая картина национальной духовности формируется благодаря мифопоэтической картине мира. Кроме того, благодаря этой картине мира происходит единение христианских святынь и языческой древности [11, с. 313].

Следовательно, характерной для философии романтизма является обращенность к мифу. В творчестве используются мифопоэтические формы мифа, а также отмечается наличие признаков мифологического мышления. В статье подвергается анализу творчество П. П. Ершова с точки зрения философии романтизма. История – это та область, которая неразрывно связана с мифом, поскольку настоящее и будущее утверждают себя через прошлое, миф является в прошлом – центральным элементом. Через мифопоэтику происходит узнавание исторических реалий и исторических фигур. Представители романтизма обращаются в своем творчестве к известным личностям, героям прошлого и настоящего времени. Они возводят их в особый статус – национальных героев – и возвеличивают древнее прошлое. Миф о части истории – «золотом веке» – представители романтизма переживают исчерпывающе и драматично. Ершов (в традиционной манере романтизма) восхваляет исторические личности древности, а также создает мифологию гениев своей эпохи: Суворова, Государя Наследника (царя), Пушкина. Первый национальный миф о Пушкине был создан Лермонтовым. П. П. Ершов на годовщину смерти поэта написал стихотворение «Кто он?». Метод, примененный писателем, заключается в следующем. Ершов использует символику и особенности стихий земли и неба, отвечая на поставленный вопрос, при этом не называя имени героя, обоснованно полагая, что читатель с помощью мифопоэтики узнает героя своего времени: «В нем гений полночной державы...» [2, с. 279].

Благодаря применимости символического подхода романтизм получил возможность предугадывать во внешнем мире внутреннее «пространство» души. П. П. Ершов обращается к символике, т.к. она позволяет выразить свою внутреннюю трагедию в мир – переживания о своей жизни: постоянное стремление вернуться в Санкт-Петербург, беспокойство о том, что он находится не в том месте, что вся его деятельность направлена на преодоление бюрократической цензуры, а не на творчество. В своем творчестве он обращается к таким символам, как роза, шатер, кольцо, туча, муза и др. Символ в романтизме является неразрывным и закономерным единством конечного и бесконечного.

В мифопоэтической картине мира П. П. Ершова можно встретить такие бинарные оппозиции, как земля/небо, верх/низ, свет/тьма, любовь/томленье. Смысловое наполнение в рамках этих оппозиций создается в связи с размышлениями о Боге, о человеке, о свободе воли человека, судьбе. Будучи очень религиозным человеком, П. П. Ершов часто обращается к религиозным мотивам, к молитве и Богу. Человек у П. П. Ершова (как и он сам) глубоко верующий. Богу подвластны все проявления жизни человека, и потому он становится источником добра. П. П. Ершов не ставит вопрос о том, добр или зол человек от природы. Религиозный мотив в его творчестве определяет человека как источник добра и веры, т.к. он является единством земного и небесного, материального и духовного. Основным условием для борьбы с самим собой и стремления к совершенству является существование добра и зла. Благодаря этому поэт изображает противоборство добра и зла в человеке.

Обратимся к анализу стихотворения «Перемена» П. П. Ершова с точки зрения философии романтизма [Там же, с. 296]:

Проходят дни безумного волненья, Душа зовет утраченный покой; Задумчиво уж чашу наслажденья Я подношу к устам моим порой [Там же].	Осознание безумного злого начала в себе, душа борется за доброе начало – покой, которое было потеряно. С думами, а правильно ли он поступает, выпивая чашу зла, развлекаясь и проводя время впустую. Двойственная природа человека.
Другая мысль в уме моем теснится, Другое чувство движет мою грудь; Мне вольный круг цепями становится, Хочу в тиши отраднее вздохнуть [Там же].	Добро и зло имеют один источник – Бог в голове поэта. Добро и зло изначально с человеком, и борьба в его голове: перетягивание, переманивание то к распутству, то к тишине и спокойствию.
Исчез обман мечты самолюбивой, Открылась вся дней прежних пустота, Другую мне рисует перспективу В дали годов спокойная мечта [Там же].	Две мечты – самолюбивая и спокойная – рисуют картины будущего: пустота или спокойная семейная идиллия – светлое начало новой жизни человека: домашний очаг, жена-подруга, дети, верные друзья.
Домашний кров, один или два друга, Поэзия – мена простых затей. А тут любовь – прекрасная подруга, И вокруг нее веселый круг детей [Там же].	Поэзия становится альтернативой заменой разгульной жизни, жизни без Бога.

Мотивы неотвратимости судьбы являются основными в произведениях романтиков. В творчестве П. П. Ершова мотивы судьбы и рока представлены в рассказах «Осенние вечера».

В статье уже шла речь о том, что все герои Ершова – верующие люди, живущие со знанием, что все, что происходит в «мире Я» и «мире не я», не зависит от них самих, а зависит исключительно от высшей воли. Ершов демонстрирует, насколько понятия судьбы и философии приближены к мифологии. Но очевидно, что в мифе судьба имеет совершенно иной набор смыслов и характеристик, говорящих о языческом фоне мифа. Сложно однозначно сделать вывод о том, к какой группе сюжетов отнести сюжеты Ершова. С одной стороны, характеристики персонажей указывают на принадлежность к антропологическим сюжетам, поскольку рассказывают о происхождении человека, открывают его сущность. С другой стороны, очевидна связь с историческими преданиями, где всегда есть герой, человек, носитель нравственного идеала общества, он идеализирован, является образцом для подражания. У Ершова это может быть и трикстер как возможность прогресса, творчества, так как «нормальный» человек не способен на создание нового, и культурный герой, благодаря которому современность имеет все то, что когда-то было впервые придумано культурным героем. По сути, все культурные герои – это трикстеры.

Важным элементом мифопоэтической картины мира Ершова (как и мифопоэтической эпохи) является природа. В мифе человек жил в природе, он стремился к единству с ней, природа была продолжением самого человека. Современный человек живет рядом с природой, то есть изменилось отношение к ней. В произведениях П. П. Ершова природа мыслится как герой, влияющий на судьбу смежных персонажей. Философия парности выражается в стихиях природы, которые к тому же находятся в вечном противоречии. Определенной стихией природа наводит на путь истинный и праведный или препятствует дурным порывам. К примеру, вьюга и пурга приводит братьев на пустырь с церквушкой, которую они не могли найти после непогоды. Из рассказов селян они узнают, что этой церкви и деревушки давно уж нет. Но не могло же это причудиться братьям. Сама природа спасала их и направляла от беды, указывая – «на все воля божья». П. П. Ершов, таким образом, ставит вопрос о свободе воли и выбора человека. Человек в его произведениях не противится воле Творца и полагается на Бога, доверяя Ему. В то же время человек может выбрать свой путь, не обратив внимания на Творца, цена такой свободы – потеря смысла жизни.

Если время – это средство упорядочения, без времени мир – это хаос, то ориентирами в мире служат знания, ценности и представления о смысле жизни. Эмоционально-ценностной ориентацией героя будет являться трагизм, в результате неизбежного противостояния личности героя и мира происходит познание мира. Личность, находящаяся в ситуации свободного выбора между ценностями, должна сама выбрать главную для себя. Это приводит личность к эмоциональному дискомфорту, трагизму. Таким образом, глубинная основа трагизма заключается в изначально враждебной для личности действительности, в необходимости нарушения экологического равновесия и утверждения себя через конфликт.

Человек в мифе жил в природе, не вступая в конфликт с ней, как поступает современный человек. Мы говорим о гармонии, в которой жил человек мифа.

В завершение работы можно **заключить**, что художественный мир Петра Ершова – это мифологическая картина о гармонии человека и мира, которая отсылает нас к философии романтизма. В мифе не существует понятия «будущее», поскольку в прошлом люди чувствовали себя уверенно, смысл жизни был в гармонии и соблюдении равновесия. В качестве наиболее употребляемых бинарных оппозиций в творчестве Ершова можно перечислить следующие оппозиции: земля/небо, свет/тьма, верх/низ. Возвращаясь к мысли о том, что человек не из мифа, утверждает себя через конфликт, можно сказать, что через столкновение с миром у героев происходит формирование духовных ценностей, отношение к миру и себе в мире. Очевидно, что центральным героем произведений П. П. Ершова является либо культурный герой (царица, казачка), либо герой-богатырь – человек, в прошлом военный или дворянин (полковник, дворянин, купец, военный в отставке), эмоционально-ценностная ориентация которого заключается в трагизме судьбы. Происходит формирование мировоззрения – способа ориентации человека в действительности.

Мировоззрение дает возможность героям произведений получения ответов на вопросы: что такое я? что такое мир, который меня окружает? какое место я занимаю в этом мире? – вопросы мифопоэтической картины Петра Ершова, раскрывающие ее сущность.

Список источников

1. Гуревич П. С. Философская антропология. М.: Вестник, 1997. 443 с.
2. Ершов П. П. Конек-Горбунук: избранные произведения и письма / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и прим. В. П. Зверева. М.: Парад; БИБКМ, 2005. 624 с.
3. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. СПб., 1925. Т. 2. Мифологическое мышление. 279 с.
4. Кирилук А. С. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Миф. Одесса: Рось, 1996. 141 с.
5. Косарев А. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. М. – СПб.: ПЕРСЭ; Университетская книга, 2000. 304 с.
6. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Ученые записки Тартуского университета. Тарту: Тартуский ун-т, 1971. Вып. 5. С. 144-156.
7. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке / ред. Ю. П. Сенокосов. М.: Языки русской культуры, 1997. 324 с.
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
9. Низамиддинов Д. Н. Мифологическая культура. М.: Гелиос, 1993. 48 с.
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
11. Ходанен Л. А. Миф в творчестве русских романтиков. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 320 с.

P. P. ERSHOV'S MYTHO-POETICAL WORLDVIEW AND PHILOSOPHY OF ROMANTICISM

Shakirova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Erenchinova Evgeniya Borisovna

Chumanova Natal'ya Aleksandrovna

Industrial University of Tyumen

ta-nusha9@mail.ru; deutsche2011@mail.ru; nchumanova@yandex.ru

The article summarizes approaches to studying myth in science. P. P. Ershov's works are examined from the viewpoint of the Russian romanticism philosophy. The paper provides a comparative analysis of the categories "myth" and "reality" in the writer's creative work. His lyrical and prosaic works are analysed in the context of the mytho-poetical conception. Binary oppositions indicate struggle of good and evil in a human being. P. Ershov's artistic world is mythological harmony between a human and the nature. Formation of personages' spiritual values occurs through hard experience, through conflict with the world.

Key words and phrases: mytho-poetical worldview; myth; symbol; romanticism; mytho-poetics.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 14.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.46>

Статья посвящена проблеме взаимосвязи биополитики и архитектурно-городского пространства в философии М. Фуко. Цель статьи заключается в интерпретации и анализе различных типов архитектурного и городского пространства в работах М. Фуко. В соответствии с целью автор приходит к решению ряда задач: проследить возникновение биополитического устройства пространства, раскрыть его влияние на тело и жизнь населения; предложить интерпретацию архитектурно-городской концепции М. Фуко в контексте медиатеории, обосновать необходимость понимания архитектуры и города у Фуко в качестве политических медиа. Новизна исследования заключается в раскрытии архитектурно-городских моделей пространства у Фуко в качестве особых пространственных и политических форм медиа.

Ключевые слова и фразы: власть; архитектурно-городское пространство; дисциплинарные пространства; биополитика; медиатеория; антирепрезентативность.

Яковлева Любовь Юрьевна, к. филос. н.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

jakovleva.ljubov@yandex.ru

АРХИТЕКТУРНО-ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНЦЕПЦИИ БИОПОЛИТИКИ М. ФУКО

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00414 А «Политики медиа», СПбГУ.

Предлагаемое исследование направлено на анализ и интерпретацию политических аспектов архитектурно-городских пространств в трудах М. Фуко. **Цель** данной работы заключается в раскрытии ключевых моментов фукольдианской концепции биополитического управления при помощи городского планирования и постройки архитектурных сооружений. В этой связи перед автором статьи стоит ряд **задач**, а именно: 1) показать на основе текстов М. Фуко, каким образом биополитический тип управления обществом выстраивает определенную пространственную, архитектурно-городскую логику, упорядочивающую тело индивидов и населения; 2) предложить интерпретацию фукольдианской концепции трансформации политики архитектурно-городского пространства в контексте медиатеоретического подхода к архитектуре. **Актуальность** данной темы обусловлена необходимостью переосмысления архитектурно-городского пространства современности и прошлого в рамках философского дискурса, в частности на основе медиатеоретического и медиафилософского подходов, позволяющих осуществлять анализ не только эстетических проблем архитектуры как особого искусства, но и обратиться к проблемам политического управления при помощи архитектуры и городского планирования как особых медиа. В этом состоит **научная новизна** предлагаемого исследования, поскольку роль фукольдианской концепции архитектурного пространства как особой техники управления для медиатеории остается практически не исследованной.

Несмотря на то, что архитектура не является центральной проблемой в философии Фуко, французский философ постоянно обращается к типам пространств, устройству городов, к понятию среды и территории на страницах своих монографий, лекций и интервью. Не только экономика, медицина или наука, но и топология архитектуры и планирование городов тесно переплетаются с различными типами власти, существующими в тот или иной период истории. Для того чтобы показать, каким образом архитектура и городское пространство изменяют свои функции по отношению к властным механизмам управления, необходимо вкратце представить типы архитектурно-городских пространств, описанных М. Фуко в его курсе лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 году «Безопасность, территория, население».